

Лу Чжэнмин смотрел на это молодое лицо — прекрасное, но без вульгарности, необычайно красивое — и подумал, что всё же проявил неосторожность, едва не недооценив молодого Наместника.

Восточная палата, способная подавить Императорскую гвардию и столь долго удерживать свои позиции, имела собственные пути отбора и преемственности. Покойный старый глава Палаты вряд ли стал бы по одной лишь прихоти вручать огромную Восточную палату невежественному приёмному сыну, позволяя тому всё разрушить.

Если бы Хэ Сы знал, о чём думает Лу Чжэнмин, он бы прослезился: «Братец, да ты слишком много надумал!..» Его приёмный отец и впрямь был своевольным, неразборчивым в связях и совершенно беспринципным старым негодяем! Иначе как бы он мог внезапно собраться и уйти на покой, бросив погрязшую в долгах Восточную палату на своего приёмного сына, чтобы тот расхлёбывал последствия.

Отношение Лу Чжэнмина Хэ Сы счёл в целом удовлетворительным. Он преподавал ему урок, надеясь, что тот поймёт: пусть сейчас и не под силу уничтожить Императорскую гвардию целиком, но чтобы прижать мелкого офицера, у него найдётся триста шестьдесят разных способов.

В огромной Столице для Восточной палаты не составило бы труда заставить человека бесследно исчезнуть.

Хэ Сы, облокотившись на подлокотник, лениво подпирал щеку рукой. — Говори, — произнёс он, приняв расслабленную позу, но взгляд его будто намертво сковал глаза собеседника. — Зачем ты так усердно ко мне подбирался? С самого начала мне было странно: Юэ Чжун как заместитель командующего — с чего бы это ему придирааться к такому мелкому офицеру, как ты, который даже не является прямым начальником? Будь ты действительно виноват, тебя бы проработали подчинённые, а не он сам.

Будь на месте Лу Чжэнмина кто-то другой, под таким напускным, давящим взглядом Хэ Сы у того уже подкосились бы ноги. Если бы и не выложил всё как на духу, то спина точно промокла бы от холодного пота.

Однако Лу Чжэнмин оставался невозмутимым, будто перед ним был не Хэ Сы, а самый обычный человек. Тот не счёл его смельчаком — скорее, решил, что офицер махнул на всё рукой...

На лбу Лу Чжэнмина проступили капельки пота — не от страха, а от боли. Падение раскрыло его незажившие раны. Повреждения были хоть и поверхностными, но с него буквально содрали несколько лянов^[1] плоти. Лицо его побледнело ещё сильнее, но голос он старался держать ровно:

— Я совершил серьёзный проступок, не выполнив задание господина Юэ, и заслужил наказание. А что до того, почему он лично взялся за меня... — Лу Чжэнмин горько усмехнулся и тяжело выдохнул. — Просто мне не повезло: он сам застал меня на месте преступления, вот и привёл сюда для расправы.

Хэ Сы не поверил ни единому слову. Он заметил, что губы Лу Чжэнмина побелели до синевы, но не стал его отпускать. Приёмный отец учил его: допрашивать преступника — что ломать волю сокола. Нужно действовать решительно, шаг за шагом наступать, не давая ни секунды передышки, только тогда вытянешь правду.

Хэ Сы равнодушно перебирал турмалиновые чётки на запястье. — О? У вашего господина Юэ, выходит, много свободного времени? Сейчас в Управлении императорской гвардии и вовсе нет полноправного начальника, все внутренние и внешние дела лежат на нём одном. И он ещё умудрился найти время допрашивать какого-то мелкого офицера?

Лу Чжэнмин, до того прикрывавший глаза, слегка приоткрыл их. Взгляд его скользнул по белоснежному, словно фарфор, запястью под бусами. Он хотел что-то сказать, но вдох потревожил раны, и он невольно сильно сморщился.

Хэ Сы оставался безучастным, холодным, словно бездушное божество на высоком троне.

Лишь через несколько вдохов и выдохов Лу Чжэнмин смог подавить боль, что скребла внутри и рвала плоть. — Если Наместник не верит, любые мои слова тщетны, — с трудом проговорил он, затем закрыл глаза. — А что до того, о чём вы хотите спросить... Я, как офицер, знаю лишь, что в ту ночь мне было приказано задержать человека. Кого именно, как его зовут — не ведаю.

Говорить ему было действительно тяжело. Закончив фразу, он стал бледен, как воск, а с худых щёк скатывались капли пота размером с боб.

Хэ Сы должен был продолжать допрос, но его внимание неожиданно привлекла та капля, что скатилась по скуле. Он вдруг заметил, что этот офицерик из Императорской гвардии худ до жути. Сказать красиво — как щепка; сказать грубо — словно злой дух, обтянутый человеческой кожей.

Так не должно быть. Императорская гвардия, одна из двух главных «сил зла» при дворе, получала даже больше, чем Восточная палата. Даже мелкий офицер, шатаясь по переулкам, не оставался без «подношений» от местных.

Хэ Сы задумчиво провёл пальцем по губам, и в эту секунду Лу Чжэнмин уже слабо закрыл глаза.

В дверь постучали три раза. Хэ Сы вздрогнул и, не раздумывая, бросил:

— Войди.

И потому, когда Чжао Цзинчжун вошёл с миской каши, он сразу увидел на кровати еле дышащего, всего в крови офицера Императорской гвардии и своего Наместника, от которого так и веяло «неудовлетворённостью». Он в ужасе быстро поставил миску в сторону, сделал два шага вперёд и проверил дыхание Лу Чжэнмина, после чего с облегчением выдохнул:

— Фух, ещё дышит. Убей его Наместник — и рот его уже не раскрыть.

Хэ Сы вспыхнул:

— ...Я его не трогал, не городи чепухи!

Чжао Цзинчжун явно не поверил. Его бегающий взгляд красноречиво говорил: «Довели человека до такого состояния, а ещё говорите, что не приложили к нему своих грязных рук!»

Хэ Сы разозлился ещё сильнее. В негодовании он ударил по стулу и вскочил:

— Да чем я, по-твоему, его мог трогать?!

После этих слов в комнате повисла гробовая тишина.

Лу Чжэнмин на кровати едва заметно дёрнул веком.

Хэ Сы с каменным лицом уставился на Чжао Цзинчжуна: «Скажешь ещё слово — и я найму десяток здоровяков, чтобы они тебя хорошенько «потрогали», веришь?!»

Чжао Цзинчжун сглотнул, взял миску с дрожжащими руками и направился к Лу Чжэнмину:

— Хватит прикидываться мёртвым, вставай, ешь.

Не дожидаясь шлепка от Чжао Цзинчжуна, Лу Чжэнмин «вовремя» открыл глаза, словно ничего не слышал, слабо кашлянул, с трудом приподнялся и тихо пробормотал:

— Благодарю.

С каждым его движением кровавые бинты на теле становились темнее. Выглядел он теперь ещё ужаснее, чем после пыток.

У Хэ Сы возникло стойкое ощущение, будто он и впрямь сделал с ним что-то непотребное — раз сто, не меньше. Он с силой потербил лоб, затем ткнул пальцем в Чжао Цзинчжуна:

— Ты, покорми его.

Чжао Цзинчжун: «...»

Лу Чжэнмин: «...»

Слабость на лице Лу Чжэнмина тут же наполовину испарилась. Он уставился на Чжао Цзинчжуна и миску с таким же недовольным, холодным выражением, что недавно был у Хэ Сы.

В душе Чжао Цзинчжуна воцарилась паника. Он был всего лишь верным телохранителем, готовым в любой момент подставить себя под удар ради Наместника. Почему же он вдруг оказался втянут в любовный треугольник между своим господином и его фаворитом?!

Чжунчжуну это не нравилось. Чжунчжун предпочёл бы пойти ломать камни грудью, лишь бы не оставаться в этом аду.

Взглянув на сложное и нерешительное выражение лица Чжао Цзинчжуна, Хэ Сы сразу понял: этот болван опять нафантазировал какую-то дичь. Он глубоко вздохнул и спокойно сказал:

— Чжунчжун, оставь кашу и сходи за лекарем.

Чжао Цзинчжун мигом метнулся прочь, словно ему наступили на хвост.

Приказав одному из слуг позвать лекаря, Чжао Цзинчжун с грустью присел под деревом и уставился на жёрнов.

Янь Чунь с несколькими людьми как раз закончил прибираться в усадьбе и, закатав рукава, собирался помыть руки. Выйдя во двор, он увидел своего начальника, который мрачно пялился на жёрнов.

Янь Чунь остановился и спросил:

— Начальник, что вы делаете?

Чжао Цзинчжун долго молчал, а затем меланхолично произнёс:

— Как думаешь, почему наш Наместник не может влюбиться в обычного, порядочного мужчину?

Сначала заместитель командующего Императорской гвардии, теперь вот офицер... Почему обязательно нужно заводить роман со злейшим врагом? Это же так жестоко!

Янь Чунь фыркнул, но тут же получил от Чжао Цзинчжуна свирепый взгляд. Он поспешно спрятал улыбку, его взгляд невольно устремился к плотно закрытым дверям восточного флигеля, а губы беззвучно сложились в слово: «Наместник?»

...

В восточном флигеле царил напряжённая атмосфера. Хэ Сы смотрел на миску в своих руках так, словно это был его заклятый враг, повинный в смерти отца.

Видя его нежелание, Лу Чжэнмин решил помочь:

— Не смею утруждать главу Палаты, я сам...

Хэ Сы не обратил на него внимания. Вместо этого он взял ложку, размешал кашу и зачерпнул полную.

Лу Чжэнмин слегка опешил, на его лице мелькнула сложная тень, и он послушно приподнялся повыше.

А затем он увидел, как Хэ Сы совершенно естественно отправил ложку в собственный рот.

Чёрт возьми, он умирал с голоду! От вкуса горячей каши у Хэ Сы навернулись слёзы.

[^1]: Лян — старинная китайская мера веса, примерно 50 грамм.

<http://bllate.org/book/16284/1466986>